

Видмарович Б.Д.\*

## ВЗГЛЯД ПЕКИНА НА ПРОБЛЕМУ «КИТАЙСКОЙ УГРОЗЫ»

*The article deals with the problem of 'Chinese threat', a theory that has -according to many experts – first emerged in Japanese politics. Japan is more than just China's close neighbor in the East Asia, it's one of its biggest rivals in the struggle for political weight and even dominance in the Region. As China grew both economically and politically, Japanese political and military circles – especially right-winged ones – started spreading the 'China threat' fears. The article shows the nature of those fears: how did the theory come to life. It also analyzes different expert opinions and angles – both Chinese and Japanese – in approaching the theory. Overall, the Author tried to grasp the magnitude of the impact the theory has had on Sino-Japanese ties since the very beginning of the 20th century.*

**Key words:** China, threat, Japan, theory, security, military alliance

**Ключевые слова:** Китай, угроза, Япония, теория, безопасность, военный союз

Периодически возникающая напряженность в китайско-японских двусторонних отношениях на фоне растущей экономической и военной мощи Китая вновь актуализировала концепцию о «китайской угрозе» [10], которая пользуется достаточно большой дозой популярности в политических и экспертных кругах – прежде всего Японии и США. Обвинения в адрес Китая, как отмечают китайские и зарубежные аналитики, сводятся в основном к нескольким главным пунктам:

1. После сокращения численности американских и российских войск в Азиатско-Тихоокеанском регионе Китай стремится заполнить образовавшийся вакуум силы и занять в нем доминирующее положение.
2. Китай планирует стать военной и экономической сверхдержавой в регионе.
3. Закупая у России современные виды оружия – приобретая российские самолеты и корабли в целях модернизации военно-морских и военно-воздушных сил, Китай тем самым берет на себя ответственность за развертывание гонки вооружений в регионе.
4. На протяжении последних двух десятилетий, т.е. начиная с 90-х годов, Китай резко увеличил военные расходы, причем эти расходы продолжают постоянно расти [1; 2, с. 198-202].

Увеличение реальной военной силы Китая, согласно сторонникам теории о «китайской угрозе», может стать военной опасностью для окружающих стран. Сам Китай причины распространения концепции об угрозе усматривает прежде всего в опасении США и Японии, что развивающаяся в последние два десятилетия быстрыми темпами экономика Китая позволит ему в скором времени стать крупной военной силой. Благодаря этому в XXI веке Китай по экономическим и военным показателям займет ведущее место в ре-

\* кандидат исторических наук, выпускник кафедры международных отношений и внешней политики России МГИМО(У), преподаватель школы славянских языков СВЯ (г.Москва)

гионе, что не только уменьшит влияние Японии и США, но и поставит под вопрос позиции США как одного из мировых лидеров, т.е. создаст помехи в проведении политики гегемонии и создания нового миропорядка по своим идеологическим стандартам. По этой причине усилия США направлены на проведение политики сдерживания Китая, в чем особенно заинтересована и Япония, как соперник КНР.

С другой стороны, китайские эксперты рассматривают появление и пропаганду теории «китайской угрозы» еще и как результат недовольства других стран внутренним строем и стабильностью КНР. То есть, процветание Китая как единственного оставшегося после распада СССР крупного социалистического государства, является, по мнению китайских экспертов, непосредственным вызовом западной системе и главной целью в идеологическом натиске со стороны американских политических сил и их союзников.

Китайская политическая публицистика также совершенно небезосновательно указывает и на такой очевидный факт, как стремление с помощью пропаганды этой теории вызвать разногласия между странами-членами АСЕАН, посеяв страх перед «китайской угрозой». Сторонники теории о «китайской угрозе» мотивируют это тем, что обладающий военной мощью Китай может прибегнуть к использованию силы и в решении территориальных проблем в Южно-Китайском море. Как считает КНР, этот факт в свою очередь может побуждать страны Юго-Восточной Азии закупать как можно больше оружия у стран Запада для защиты от Китая, поскольку военное строительство в Китае может нарушить региональный баланс сил, представляя угрозу безопасности соседям КНР. Кроме того, распространение этой теории негативно отразится и на решении вопроса энергобезопасности, поскольку к 20-м годам XXI века Китай начнет испытывать серьезный дефицит в энергоресурсах и продуктах питания, что само по себе чревато возникновением серьезных противоречий с соседними странами.

Во всяком случае, дальнейшее распространение теории об угрозе по оценке Китая несомненно наносит прямой вред взаимоотношениям страны с государствами региона.

Реакция КНР на любые заявления о военной угрозе из Китая всегда негативна. Не отрицая факт ориентации страны на превращение в экономически сильное государство с развитым военно-промышленным комплексом, Китай в свою очередь приводит ряд контраргументов, посредством которых, он пытается достичь двойной цели: во-первых, преуменьшить масштабы собственного вооружения, а, во-вторых, перебросить ответственность за рост своих военных расходов на соседние государства – прежде всего на Японию.

Считая Японию инициатором концепции о «китайской угрозе», Китай полагает, что на деле этой теорией Япония пытается замаскировать угрозу, исходящую для окружающих стран в первую очередь именно от Японии как страны, которая на протяжении нескольких веков проводит политику, враждебную Китаю, не осознала преступлений, совершенных в ходе агрессии во Второй мировой войне и не принесла публичных извинений перед китайским народом и другими азиатскими странами. В доказательство собственной миролюбивой политики Китай приводит факт добровольного отказа от военной компенсации после Второй мировой войны, несмотря на большой ущерб, нанесенный ему Японией.

Далее, Китай указывает, что Япония, говоря о «китайской угрозе», не приводит никаких доказательств того, что она от нее пострадала. Нарочито резкую реакцию Пекина вызывают публикации на эту тему в самой Японии. По мнению японских политиков и ученых, по окончании «холодной войны», по мере бурного экономического развития Китая он фактически стал основной внешней угрозой безопасности Японии, так что с

1991 г. японское правительство в своей Белой книге о безопасности стало посвящать КНР отдельную часть. Так, например, в Белой книге по обороне Японии за 1996 г. говорилось, что модернизация военного потенциала Китая «усиливает напряженность в регионе» [8]. В тот же период в одном из своих выступлений японский премьер Р. Хасимото также утверждал, что «некоторые признаки показывают, что Китай стремится к гегемонии и статусу сверхдержавы, что очень опасно» [9].

Считая подобные утверждения крайне необоснованными, китайские политики и историографы стремятся опровергнуть подобные утверждения посредством приведения доказательств обратного, т.е. того, что наибольшую угрозу испытывает именно Китай, причем именно от создателей теории о «китайской угрозе». Так, в частности, в статье под названием «Настоящая угроза исходит от тех, кто трубит о «китайской угрозе»» [1] китайская сторона напомнила, что за 70 лет после реставрации Мэйдзи, т.е. в период с середины XIX по 1912 г. Япония выступила инициатором и участницей 14-и войн, 10 из которых велись против Китая. Более того, Япония не только совершала агрессии против Китая, но и продолжает сохранять милитаристский дух в стране.

Касательно роста военных расходов Китая глава МИД Японии Таро Асо в 2006 г. отметил, что «Китай с миллиардным населением и ядерным оружием увеличивает военные расходы 17 лет подряд, причем их прирост измеряется двузначными цифрами, а их содержание крайне непрозрачно. Китай в значительной степени становится угрозой» [7]. МИД КНР прокомментировал данное заявление таким образом: «Китай следует по пути мирного развития. Развитие Китая внесло общепризнанный вклад в обеспечение мира и стабильности в регионе и во всем мире, а также принесло огромные шансы развития странам Азии, в том числе и Японии. Это очевидный факт. Такое высказывание Таро Асо как главы МИД Японии является очень безответственным. Невольно напрашивается вопрос, какую цель преследует глава МИД Японии Таро Асо, распространяя в данный момент необоснованное утверждение о китайской угрозе?» [3]. Комментируя также заявление начальника Управления национальной обороны (УНО) Японии о том, что все растущие военные расходы Китая составляют угрозу Японии, представитель китайского МИД повторно подчеркнул отсутствие какой бы то ни было угрозы со стороны Китая, прямо обвинив начальника УНО в недостоверности изложенных им сведений: «Мы выступаем против действий некоторых государств, которые под предлогом роста военных расходов в КНР распространяют тезис о т.н. «китайской угрозе». Начальник Управления национальной обороны Японии вступил на этот пост недавно, и мы бы хотели посоветовать ему сперва ознакомиться с неизменной позицией и политикой Китая, а уж потом высказать свои мнения. Мы призываем соответствующие стороны в настоящий момент говорить и делать только то, что способствует улучшению и развитию китайско-японских отношений. Кроме того, я обратил внимание также на следующее: он упомянул, что «японо-американский военный союз» касается и Китая. Если полученная мною информация является точной, то я должен отметить, что «японо-американский военный союз» – это двусторонняя программа, выработанная в особых исторических условиях «холодной войны», и она должна строго ограничиваться в двусторонних рамках, выход из этих рамок может вызвать беспокойство у соседних стран и внести осложнения в ситуацию безопасности в регионе» [4].

Таким образом, китайская сторона недвусмысленно заявила о своей собственной обеспокоенности будущего пути Японии, исходя прежде всего из японо-американского союза и некоторых его действий, создающих тревожные неутешительные перспективы для региона в целом, имея в виду прежде всего тайваньский вопрос. Официальный пред-

ставитель МИД КНР Цинь Ган на пресс-конференции в февраля 2007 г. в достаточно резкой форме прокомментировал также и военные расходы Японии, и ее внешнюю политику касательно ближайших соседей, отметив следующее: «...мы уже не раз излагали свою позицию по так называемым вопросам о развитии вооруженных сил и нетранспарентности оборонных расходов /.../. Япония знает об этом предельно ясно. Китай в качестве суверенного государства, обладающего протяженной сухопутной и морской границей, поддерживает оборонные силы на определенном уровне в целях обеспечения суверенитета, территориальной целостности и единства государства. Это не должно вызывать каких-либо нареканий. Территория Японии составляет 4 процента территории Китая, а численность населения Японии – 10 процентов от аналогичного показателя Китая. Однако военные расходы Китая составляют лишь 67 процентов японских, а на человека – 7 процентов японских. Такая страна, чья площадь территории и численность населения значительно меньше китайских, сохраняет настолько крупные военные расходы, и одновременно распространяет рассуждение о «китайской угрозе». /.../ Японская сторона всегда призывает Китай к повышению транспарентности. Мы тоже требуем от Японии повысить транспарентность и рассказать нам об ее мотивах таких действий. Могла бы японская сторона дать объяснения относительно ряда ее военных действий, например, включение китайского района Тайвань в рамки действий японского законодательства на случай чрезвычайных обстоятельств в прилегающих к Японии районах, и вышеуказанные высказывания о Тайване. Каковы ее подлинные мотивы?» [5].

Не отрицая того, что в Китае проводится всесторонняя модернизация армии и вооружения, китайская сторона тем не менее утверждает, что «большинство сторонников «концепции китайской угрозы» обращает внимание только на темпы роста расходов на оборону, а не на размер расходов» [1]. По официальным данным Китая расходы КНР на оборону в 1996 г. составили 8,4 млрд долл. Такой размер расходов намного меньше военных расходов Японии, которые составили в 1995 г. 50 млрд долл., а в США – 265 млрд долл. По относительному показателю военные расходы в Китае не превышают расходов на оборону в передовых развитых странах. Если в 1996 г. оборонные расходы Китая составили лишь 1,3% от ВВП страны, то в США в том же году – 3,7% от ВВП страны. Стремление к модернизации своих Вооруженных сил Китай мотивирует прежде всего ростом угрозы внешних угроз со стороны США, обращая внимание в частности на операцию США в Ираке и особенно на бомбардировки в Югославии, во время которых пострадало китайское посольство в Белграде. Принимая во внимание существование американско-японского военного союза и двусмысленную политику Японии касательно Тайваня, Китай стремится обезопасить себя и ликвидировать отставание от Японии и США по передовым военным технологиям, поскольку, согласно оценкам зарубежных специалистов [2], по военным возможностям Китай отстает от Японии и Америки на 20-30 лет. Интересно, что это мнение разделяют и некоторые японские эксперты: специалист по Китаю Мори Кадзуко считает, что Китаю потребуется еще длительное время для того, чтобы качественно и количественно модернизировать свою экономику и вооруженные силы, более того, это потребует невероятных усилий [6, с. 264]. Теория об угрозе из Китая, таким образом, не имеет реального основания, поскольку была сознательно инспирирована из стратегических соображений [6, с. 265].

И все же живучесть концепции о «китайской угрозе» можно объяснить тем, что Китай недостаточно открыт и ясен именно по вопросам военных расходов, поскольку среди сторонников этой концепции помимо ее творца – Японии – есть также немало других стран региона, включая и Россию. Китайские аналитики даже подразделяют страны, подвер-

женные влиянию этой теории на две группы – к первой относятся страны, соперничающие с Китаем в вопросах регионального доминирования, а ко второй – имеющие с КНР территориальные споры.

Действительно, Китай недостаточно полно освещает в Белых книгах по обороне свою стратегию и военные затраты. До некоторой степени от остальных Белых книг, вышедших с 1998 г., отличается лишь Белая книга 2004 г., где больше внимания уделялось реформе Народно-освободительной армии Китая (НОАК) и расходам на ее содержание и модернизацию, и «Белая книга об обороне КНР в 2006 году» [11], опубликованная 29 декабря 2005 г. В частности, в книге говорилось, что с 1990 по 2005, среднее увеличение расходов на оборону в Китае составляло 15.36%, а для сравнения указывалось, что в 2005 г. расходы на оборону КНР составили всего лишь 6.19% от аналогичных расходов США и 67.52% от расходов на оборону Японии. В остальном же подчеркивалось, что Китай всегда будет твердой силой в деле сохранения мира, поддержания безопасности и стабильности на планете. Китай никогда не будет устраивать гонку вооружений с какой-либо страной, никогда не будет представлять военную угрозу для какой-нибудь страны.

Китай не ограничивается сравнением собственных военных расходов с расходами на вооружение в других странах: деятельность Японии в рамках японско-американского военного союза, а также территориальные споры Китая и Японии служат Китаю бесспорным доказательством не только оправданности модернизации своих вооруженных сил и закупки оружия, но и свидетельством подлинных намерений стран, соперничающих с Китаем – прежде всего Японии, которые Китай не считает миролюбивыми. События истекшего десятилетия в двусторонних китайско-японских отношениях по мнению китайской стороны показывают, что милитаризм все еще имеет место в радикальных японских кругах. Если учесть сохраняющееся влияние правых кругов в Японии, факты нарушения экономически сильной Японией принципов китайско-японских договоров при сохранении нормальных взаимоотношений Японии и США в рамках двусторонних договоров, а также рост расходов на наращивание военного потенциала, то, по мнению китайской стороны, можно сделать вывод о том, что именно Япония, следуя США, стремится к региональной гегемонии и угроза скорее исходит именно от японского государства.

### Литература

1. Ван Хайдун. О концепции китайской угрозы // ANALITIKA.ORG: аналит.-инф. ресурс. 2007. 15 янв. URL: <http://www.analitika.org/article.php?story=20070115214820173>.
2. Каменнов П.Б. КНР. Военная политика на рубеже веков. Москва, 2009.
3. Ответ официального представителя МИД КНР Цинь Гана на вопрос корреспондента о высказываниях министра иностранных дел Японии о так называемой «китайской военной угрозе» 2005/12/22 <http://www.chineseembassy.org/rus/xwfw/fyrth/fyrbthdhdw/t228117.htm>.
4. Ответы официального представителя МИД КНР Цинь Гана на вопросы корреспондентов на очередной пресс-конференции 28 сентября 2006 г. 2006/09/28. <http://ru.china-embassy.org/rus/fyrth/t274567.htm>.
5. Посольство КНР в Республике Таджикистан. Ответы официального представителя МИД КНР Цинь Гана на вопросы корреспондентов на очередной пресс-конференции 27 февраля 2007 г., <http://tj.china-embassy.org/rus/fyrth/t300664.htm>.
6. Юй Чжэн Лян. Да Го Чжань люе цзю. Пекин, 1998.

7. Japan alarmed by Chinese «threat» // BBC.CO.UK: инф. агент. 2005. 22 дек. URL: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/asia-pacific/4551642.stm>.
8. Jason Chen. Japan's Policies Towards Taiwan: Trends, Causes and Implications for the Future of Tokyo-Taipei Relations // Stanford Journal of East Asian Affairs. – 2006. – №1 (Vol.6) – С. 4 / STANFORD.EDU: Stanford University. 2006. URL: <http://www.stanford.edu/group/sjeaa/journal61/japan2.pdf>.
9. Speech by Prime Minister Ryutaro Hashimoto – Seeking a New Foreign Policy Toward China // MOFA.GO.JP: Ministry of Foreign Affairs of Japan. 1997. 28 авг. URL: <http://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/china/seeking.html>.
10. Хотя и принято считать, что первым теорию о «китайской угрозе» выдвинул доцент японского университета обороны Мураи Токихидэ, опубликовавший в августе 1990 г. статью на тему «Китай – потенциальная угроза», само представление о Китае как враждебном и угрожающем другим странам государстве, возникло гораздо раньше. В Японии о «китайской угрозе» заговорили в связи с нормализацией китайско-японских дипломатических отношений, последовавшее в 1972 г., причем дискуссии сопровождались полемикой о безопасности внутри самой Японии. Аникоммунистические и антикитайские круги, подчеркивали, что Китай, как революционная страна, не только является прямой угрозой безопасности Японии, но наряду с этим и косвенной политической угрозой своему окружению. Данные круги, препятствуя нормализации китайско-японских дипломатических отношений, заявляли, что если Япония восстановит дипломатические отношения с Китаем, то японское общество окажется под сильным политическим влиянием Китая, что приведет к перевесу левых сил в Японии. Это в свою очередь означает дестабилизацию политической жизни в стране, что открывает путь для косвенной агрессии со стороны Китая. Это служило аргументом антикитайски настроенным кругам в борьбе против развертывания торговли с Китаем. Под влиянием лозунга об угрозе из Китая стала усиливаться система японо-американской безопасности, а в Японии развертывались отряды самообороны. С начала 70-х гг. на фоне изменяющейся международной обстановки, особенно после восстановления японо-китайских отношений, теория об угрозе из Китая утратила свою популярность. На смену ей пришла теория об угрозе из СССР, однако, после изъятия из японской «Белой книги» по обороне в 1990 г. слов о «потенциальной угрозе со стороны СССР» по окончании холодной войны вновь возродилась теория об угрозе со стороны Китая.
11. Белая книга 2006 г. включала предисловие и несколько разделов: «Ситуация в области безопасности», «Политика в сфере обороны», «Система руководства и управления обороной», «НОАК», «Войска Народной вооруженной полиции», «Мобилизация и резервы», «Пограничная и морская оборона», «Военная наука, техника и промышленность», «Оборонные расходы» и «Международное сотрудничество в области безопасности», чем достаточно сильно отличалась от аналога 2004 г.